

ПУШКИНСКИЙ КОД В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»

О значимости фигуры А. Пушкина в художественном мире В. Набокова написано немало, однако пушкинскому коду в одном из самых известных романов писателя достаточного внимания не уделялось. В этом плане можно отметить работу С. Сакуна, посвященную интертекстуальным связям «Защиты Лужина» с «Медным всадником» и во многом опирающуюся на труд Д. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский». По мнению исследователя, Лужин, который *«одновременно воплощает в романе и маленького, слабого, ничтожного, но бунтующего “раба” и все сильного “демиурга” собственной судьбы»* [1], имеет сходства и с Евгением, и с Медным Всадником (с поправкой на вырождение) – на место этой грозной фигуры у Набокова приходит *«миражно-эфемерная фигурка черного шахматного коня»* [1] (аллегорический прототип героя).

Наличие же интертекстуальных связей с «Пиковой дамой» отмечалось исследователями неоднократно – они очевидны. Так, в восьмой главе среди гостей, пришедших к молодоженам Лужиным, была *«престарелая княгиня Уманова, которую называли пиковой дамой (по известной опере)»* [2, с. 382]. Набоков не жаловал оперу, и, упоминая ее, а не повесть, он указывает на невысокий культурный уровень персонажей и на наличие проблемы вырождения – в том числе, искусства (последней посвящен, в частности, рассказ «Дракон», где предельно травестируется сюжет о победе рыцаря над чудовищем).

Кроме того, Лужин-игрок – главный наследник пушкинского Германна и Достоевского Алексея Ивановича – разве что материальная сторона его не интересует вовсе. Набоков рисует героя таким жрецом игры – потрясенный отец, которому открылись способности сына-вундеркинда, сказал: *«Он не просто забавляется шахматами, он священнодействует»* [2, с. 341]. Описывая Лужина, пережившего нервный срыв на важном турнире и теперь отдыхающего в санатории, автор акцентирует *«профиль обрюзгшего Наполеона»*; это практически цитата из «Пиковой дамы» – у Германна, по словам одного из персонажей, *«профиль Наполеона и душа Мефистофеля»* [3, с. 252]. Эпитет *«обрюзгий»* знаменует, опять же, редукцию: в цепочке «Наполеон – Германн – Лужин» последний – самое слабое звено: имея амбиции, которые можно назвать даже богоборческими (подчинение созданной Творцом реальности своему рациональному сознанию), он реализует их в «комнатном» формате. С другой стороны, шахматист среди них – наиболее тонкая, даже изощренно-тонкая натура – жрец игры, он ведет ее *«в неземном измерении, орудуя бесплотными величинами»* [2, с. 358]. Образ другого измерения многозначен – Набоков намеренно оставляет «зазор», предполагающий разнообразие интерпретаций. В этом он тоже наследник Пушкина – видение Германна в финале «Пиковой дамы» можно трактовать как галлюцинацию человека, повредившегося разумом, а можно – как визионерское прозрение касаясь активности потусторонних сил в мире людей (неслучайно в произведении фигурирует таинственный Сен-Жермен).

Важный момент – у Лужина, имеющего схожий с пушкинским игроком профиль, предполагается, по логике текста, и *«душа Мефистофеля»*, что возвращает нас к теме богоборчества. Этот аспект, среди прочих, способствует

прояснению авторской позиции относительно героя, так как аксиологическая оценка личности шахматиста, равно как его суицида, разнится. При этом мы, разумеется, не настаиваем на исключительности выбранного нами прочтения.

В романе упоминается и сам литературный предшественник Набокова: в родительском доме Лужина *«большой том Пушкина с портретом толстогубого курчавого мальчика не открывался никогда»* [2, с. 320] (это не просто биографический факт, а серьезная авторская оценка). Своеобразная «рифма» к эпизоду обнаружится ближе к финалу – по меткому наблюдению Г. Барабтарло, у Набокова *«особенно полезно сопоставлять далеко расставленные точки темы, и чем дальше они отстоят друг от друга – например, конец и начало вещи – тем лучше»* [4, с. 123]. В последней главе семейство Лужиных посетит особенный человек Петров, отличающийся от остальных, суетных, гостей: *«Он был сам по себе только некий сосуд, наполненный чем-то таким священным и редким, что было бы даже кощунственно внешность сосуда расцветить. <...> Единственным его назначением в жизни было сосредоточенно и благоговейно чести то, что было ему поручено...»* [2, с. 448]. Нельзя исключать здесь вероятность отсылки к Первому посланию Петра (и фамилия может быть дополнительной подсказкой): *«Сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом»* (1Пет. 3: 4). Драгоценности, таящиеся в душе Петрова, иногда «бликуют» на поверхности, и среди таких «бликов» бывает *«строка из Пушкина»*.

Таким образом, фигура этого поэта-писателя в «Защите Лужина» задействована в значимой для набоковской вселенной оппозиции «Слово vs антиЛогос», где первому противопоставлены пустословие, косноязычие, немота, бессмыслица, бездарные тексты (производимые, в частности, отцом шахматиста, Лужиным-старшим). Всё относящееся к полю антиЛогоса танатологично – в дискурсе Набокова встречаются такие образы, как *«болота вязкие бессмыслицы певучей»*, *«кладбища воскресных газет»*, *«мертвые книжонки»*. Сам Лужин ребенком изучал шахматные задачи в *«вымерших журналах»* в кабинете покойного деда, где царил *«могильная сырость»* и был *«ледяной воздух»* (такой же воздух хлынет ему в рот, когда он выбросится из окна) [2, с. 333]. В ранней набоковской лирике дискурс Слова увязывается и с ангелическим миром: в стихотворении «У Камина» сказано: *«Серафимом незримым согреты, оживают слова, как цветы»* [6], а в стихотворении «Откуда прилетел? Каким ты дышишь горем?..» (англ. “Demon”) представитель темных сил искушает лирического героя соблазном молчания, на что тот отвечает: *«Мне Бог велел звучать»* [7].

Есть также основания полагать, что пушкинские тексты играют роль «моста», связывающего набоковский роман с трудами европейских классиков Данте Алигьери и Дж. Баньяна – речь идет о «Божественной комедии» (в первую очередь, «Аде») и «Странствии пилигрима в небесную страну» / «Пути паломника». В «Защите Лужина» Набоков травестирует эти сюжеты. Путь шахматиста можно прочесть, в том числе, как прохождение земного ада, причем автор не только «отзеркаливает» «Божественную комедию» (аллюзий на нее множество), но и продолжает линию «Мертвых душ» (эссе «Николай Гоголь» свидетельствует о том, что Набоков разделял мысль о структурировании этого романа по схеме “Inferno”). В рассматриваемом нами тексте стезя героя, лишившегося имени и ставшего Лужиным (имя впервые прозвучит лишь в финале), начинается с пересечения реки и, спиралевидно закручиваясь,

заканчивается в период холодов в Берлине («земное зеркало» адского города), а положение шахматиста-суицидента, вылезавшего в разбитое окно, в какой-то момент напоминает положение Иуды, Брута и Кассия в пастях Дита.

Пушкинское «Подражание Данте» добавляет деталей эпизоду самоубийства. Там «*бесы тешились проклятою игрой*»: расколов стеклянную гору ядром, они столкнули по ней двух сестер, а от удара ядрагора «*звеня, расстрескалась колючими звездами*» [8, с. 349], – в набоковском тексте после удара стулом в окне возникла «*черная, звездообразная дыра*»; осколки резали сестер – Лужина, просунувшего голову в образовавшееся отверстие, «*что-то полоснуло по шее*»; в обоих произведениях жертвы оголяются – у Пушкина полностью, а Лужин снял пиджак (сама физическая смерть, по Набокову, – обнажение); сестер спустили вниз в сидячем положении – игрок разбил стекло стулом, а застряв в проеме, на какое-то время оказался сидящим. Кроме того, и пушкинские героини, и набоковский всё это время не одни: сестер окружает бесов «*нетерпеливый рой*», а Лужина за пределами ванной комнаты – люди (и, возможно, не только эчи).

Что касается баньяновского «Странствия пилигрима», то Пушкин в свое время переложил его начало на стихи («Странник»), Набоков, выстраивая имплицитный диалог с английским классиком (и стало быть, с русским тоже), «отзеркаливает» – или «зазеркаливает» – сюжет, так как шахматист следует по маршруту духовного распада, а не совершенствования. В «Защите Лужина» показан путь антипаломника – или антипуть паломника – и эпизоды из баньяновского произведения пародируются (вместо Библии, изменившей Кристиана, – шахматные наборы, один из которых был принят Лужиным за «*книжечку*»; вместо Дома Истолкователя – квартира тети-темного медиатора, любовницы отца и «игровой» соблазнительницы мальчика; вместо грозного Апполиона – куда менее brutальный противник, шахматист Турати и т.д.).

Таким образом, если «Божественная комедия» упоминается Набоковым в романе напрямую (а бюст ее автора он даже разместил в квартире молодоженов Лужиных), то текст Баньяна пребывает в «скрытом слое», и введение фигуры Пушкина, помимо прочего, служит соответствующей подсказкой.

Литература

1. Сакун, С. В. Превращение Медного Всадника в фигуру черного шахматного коня / С. В. Сакун // Владимир Владимирович Набоков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/sakun-gambit-sirina/prevrashchenie-mednogo-vsadnika.htm>. – Дата доступа: 16.10.2018.
2. Набоков, В. В. Защита Лужина / В. В. Набоков. // Русский период. Собр.соч. : в 5 т. – СПб. : Симпозиум, 2009. – Т. 2. – С. 443-467.
3. Пушкин, А. С. Пиковая дама / А. С. Пушкин. // Собр.соч. : в 10 т. – М. : ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 5 : Романы, повести. – С. 233–262.
4. Барабтарло, Г. Сочинение Набокова / Г. Барабтарло. – СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2011. – 464 с.
5. Библия. – М. : Российское Библейское общество, 2003. – 928 с.
6. Набоков, В. В. У камина / В. В. Набоков // Владимир Владимирович Набоков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/245.htm>. – Дата доступа: 16.10.2018.
7. Набоков, В. В. «Откуда прилетел?..» / В. В. Набоков // Владимир Владимирович Набоков [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/245.htm>. – Дата доступа:
16.10.2018.

8. Пушкин, А. С. Подражание Данте / А. С. Пушкин // Собр.соч. : в 10 т. – М. : ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 2. Стихотворения, 1823–1836. – С. 349.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ